

Н.С. Тихонравов

**Сочинения Н.С.
Тихонравова**

Том 2.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.С. Тихонравов**
Сочинения Н.С. Тихонравова: Том 2. / Н.С. Тихонравов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 450 с.

ISBN 978-5-458-02304-7

Русская литература XVII и XVIII вв.

ISBN 978-5-458-02304-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРАГО ТОМА.

	<i>Текстъ.</i>	<i>Прим.</i>
Вступительная лекція	1	3
Боярыня Морозова.	12	4
Начало русскаго театра.	52	8
Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра	93	14
Трагедокомедія Теофана Прокоповича „Владиміръ“	120	18
Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка.	156	31
Квиринъ Кульманъ	305	59

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

адъюнктъ - профессора русской словесности и исторіи русской литературы
Н. С. Тихонравова, читанная въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ
25-го сентября 1859 года.

М. м. Гг.

Въ историческомъ развитіи наукъ исторіи литературы принадлежитъ по времени одно изъ послѣднихъ мѣстъ ¹. Позднѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія, опредѣлилась ея задача, и стали выясняться основные ея вопросы: лишь переживши длинныя періоды своей исторической жизни, чувствуетъ народъ потребность оглянуться на пройденный имъ путь и привести къ сознанію результаты своего духовнаго развитія, выразившагося въ словѣ. Если на Западѣ только въ настоящемъ столѣтіи положены были прочныя основы литературной исторіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ, недавнихъ учениковъ западной науки, исторія отечественной литературы только что начинается, и въ трудахъ, на нее обращенныхъ, большею частью господствуетъ совершенная неопредѣленность началъ, открывающая полный просторъ всякаго рода фантазіямъ. Наука, требующая въ настоящее время наиболѣе самостоятельнаго труда отъ своихъ дѣятелей, наука, каждый выводъ въ сферѣ которой достается съ боя, послѣ продолжительныхъ и сложныхъ изслѣдованій (по отсутствію многихъ приготовительныхъ работъ), — исторія нашей новой литературы служить часто предметомъ беллетристическихъ упражненій и поверхностныхъ этюдовъ. Обходя труднѣйшіе, наименѣе разработанные и, какъ нарочно, наиболѣе важныя ея отдѣлы, оставивши совершенно въ сторонѣ

старую и новую рукописную литературу и успокоившись на поверхностномъ разборѣ немногихъ представителей подражательнаго направленія нашей литературы XVIII вѣка, изслѣдователи комментировали ихъ характеристиками, наудачу вырванными изъ иностранныхъ курсовъ исторіи словесности. Но эти дѣтскія компіляціи, не выяснивши существеннаго содержанія и значенія литературы XVIII вѣка, внесли только запутанность въ ея исторію и поставили ее внѣ всякой связи съ предшествующимъ литературнымъ развитіемъ. Лишенные возможности понять историческое преемство литературныхъ явленій, они затруднялись указать исходную точку новой русской литературы, почти столѣтіе ея (до 40-хъ годовъ XVIII вѣка) невольно обрекали на безплодіе, въ Тредьяковскомъ находили звено, связующее Кантемира съ Ломоносовымъ, совершенно не замѣтили борьбы между „подлыми“ книгами народнаго чтенія и вновь пересаженнымъ на русскую почву литературнымъ направлениемъ Западной Европы; цѣлая фаланга писателей Екатерининскаго времени осталась въ сторонѣ, не понятая этими изслѣдователями, которые въ своихъ обзорахъ литературы XVIII вѣка давали мѣсто Хераскову, Петрову и множеству подобныхъ пинтовъ и совершенно упустили изъ виду литературныхъ дѣятелей, реставрировавшихъ въ новыхъ формахъ народныя книги прежняго времени.

Вотъ почему нельзя обойти вопроса о томъ, откуда начинать исторію новой русской литературы.

Государственная реформа Петра застала нашу словесность, — и преимущественно книжно-народную, — среди оживленной дѣятельности. Если русскія училища XVII вѣка мало привлекали людей въ свои стѣны, если наука вообще плохо прививалась въ нихъ къ русской почвѣ, если какой-нибудь спокойный компіляторъ первой половины XVII вѣка, Козыревъ, который „потщался святую премудрую философскую книгу восписать хартією и черниломъ... зане видѣхъ сію премудрую и глубочайшую въ разумѣ книгу отъ презорства и нерадѣніемъ невѣжъ пишущихъ во многихъ главизнахъ и словесѣхъ сущаго ея разума улишену“, если этотъ компіляторъ за свой ученый трудъ „сидѣлъ въ домѣ плача и въздыханія, сильными святыми вѣка сего за извѣ-

щеніе слова Божія преданъ былъ во узы, яко злодѣи и связанъ желѣзы лютоѣ, всегда томимъ приставственными озлобленіи и естественными недостатками воды и хлѣба“²,—то литературное движеніе, пробужденное польскимъ вліяніемъ, создавало новыя литературныя формы на Руси: явилась мистерія, сатирическія—повѣсть и драма, развились силлабическія вирши. Знаменитыя сатирическія „челобитныя“ XVII вѣка (напр., „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался волкъ съ лисицею“, поздн. „Челобитная Калязина монастыря“ и т. п.), перешедшія въ позднѣйшую народную литературу, возникли, можетъ быть, по образцу польской сказки о Шемякинѣ судѣ, но исполнены уже чисто народнаго содержанія и отличаются свѣжимъ колоритомъ народнаго разсказа. И другую форму принимала на Руси сатира еще съ XVI вѣка,—форму, свидѣтельствующую о немаловажномъ литературномъ развитіи. Въ подражаніе различнымъ дидактическимъ сочиненіямъ о государствѣ написаны „Премудрости греческихъ философовъ и латинскихъ докторовъ и Петра Волоскаго воеводы“³. Это произведеніе имѣетъ форму наставительнаго письма Пересвѣтова къ Иоанну IV о качествахъ, необходимыхъ царю. Неизвѣстный авторъ этого произведенія, подъ видомъ совѣтовъ Ивану IV, высказываетъ недостатки, которыми страдало русское царство въ XVI вѣкѣ. „Да и того не хвалить (Петръ, воевода Волошскій), что усобную войну на царство свое напускаетъ, даетъ города и волости вельможамъ своимъ и вельможы отъ слезъ и крови рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ: и какъ съѣдетъ съ кормленіи съ городовъ и волостей и въ обидахъ присужаютъ имъ поля и въ томъ много грѣха сотворяютъ... Вельможы русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, и царство оскужаютъ, и тѣмъ ему слуги называются, что цвѣтно и конно выѣзжаютъ на службу его, и крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ, противъ недруга смертною игрою не играютъ... Москвитинъ Васька Мерцаловъ почалъ сказывати Петру, Волошскому воеводѣ: вѣра, государь, (на Руси) христіанская добра и всѣмъ полна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ. И потому Петръ, Волошскій воевода, заплакалъ: „коли правды нѣтъ, то и всего нѣтъ“⁴. Чистота и легкость языка, умѣнье найти литературную форму протесту представляютъ со-

вершено новое явленіе въ русской литературѣ. Добрые плоды приносило сближеніе съ западною литературою, тѣмъ болѣе достойные вниманія, что тому же вѣку принадлежитъ начало и раскольничьей сатиры, совершенно иного характера. У этихъ людей несвободнаго сознанія, обрекшихъ себя добровольному китаизму въ сферѣ умственной и религіозной, она никогда не могла получить той художественной формы, той полноты содержанія, которыя бывають слѣдствіемъ свободнаго стремленія къ истинному идеалу. Самымъ источникомъ своимъ раскольничья сатира осуждена была на грубость формы и пустоту содержанія. Вотъ, напр., въ формѣ какого сна діаконъ Ѳеодоръ старается осмѣять Никона и его дѣятельность: „На пустомъ мѣстѣ стоитъ погребъ зѣло великъ, яко 15 сажень и глубокъ, подобенъ аду; и полонъ бысть погребъ адскій меду сырцу, и розданъ уже весь въ міръ той лестный медъ, остался токмо единъ уголь уже, и на немъ стоитъ, яко на глинѣ, самъ Никонъ, во единой свиткѣ балахонной, и на головѣ его колпаченко худо яко на кабацкомъ ярыжкѣ и своима рукама раздаеть медъ свой“⁵. Но въ то время, когда литература раскольниковъ обогащалась такого рода произведеніями; въ то время, какъ въ ней *замирали* апокрифы и народное чтеніе предшествующей эпохи то въ своей староѣ формѣ, то въ формѣ силлабическихъ виршъ: XVII вѣкъ дѣятельно *развивалъ* содержаніе прежней повѣствовательной литературы въ новыхъ формахъ, и переводныя повѣсти, любимое чтеніе народа, обновлялись и оживлялись мотивами устной народной словесности. Печатная, рукописная и устная словесность часто сплетались въ неразрывное цѣлое, книжная литература давала пищу народному творчеству, которымъ новое содержаніе и обрабатывалось подѣ влияніемъ стараго эпическаго склада; народныя произведенія въ свою очередь передѣлывались въ силлабическія вирши. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Переведенная въ XV вѣкѣ изъ „Тысячи и одной ночи“ повѣсть объ Акирѣ премудромъ въ XVII вѣкѣ получаетъ новый видъ: русскіе читатели нанесли на нее свой колоритъ, и мудрецъ Алевитской и Азорской земли, а вмѣстѣ съ нимъ и ближайшія къ нему лица разсказа получили значеніе угодниковъ Божіихъ. „И призрѣлъ Господь Акира на смиреніе, и сослалъ два ангела

мирно глаголюща: Акирь, угодниче Божій, не будетъ у тебя ни единаго дѣтища“⁶. Повѣсть, слѣдуя общему литературному потоку, готова перейти въ легенду; точно такъ, какъ народный разсказъ въ XVII вѣкѣ часто переходитъ въ поучительныя вирши. Мало того: въ концѣ сказанія объ Акирѣ вставлена русская народная притча „о томъ, какъ волка грамотѣ учили“. Сравненіе древнѣйшей редакціи переводныхъ повѣстей съ позднѣйшею обогатить важными фактами исторію нашей словесности; въ нихъ предстаетъ намъ живая исторія переводнаго произведенія въ кругу его читателей, отражающая въ себѣ требованія и направленія различныхъ литературныхъ эпохъ⁷. Народные „стихи“ большею частью возникли или получили свою окончательную форму въ XVII вѣкѣ. Двоякимъ путемъ шло образованіе ихъ въ XVII вѣкѣ: или прямо прозаическій разсказъ книжной литературы превращался въ народный стихъ, или силлабическія вирши, въ которыя облакалось библейское содержаніе, теряли мало-по-малу свой схоластическій характеръ и принимали свободную форму народной поэзіи. Кромѣ стиха „о грѣшной матери“⁸, содержаніе котораго взято изъ переводнаго сборника духовныхъ повѣстей „*Великое зеркало*“, укажу на замѣчательнѣйшій примѣръ перваго рода образованія духовныхъ стиховъ: стихъ объ Алексѣѣ, Божьемъ человекѣ, уже успѣвшій принять въ себя многія начала народной поэзіи, еще носить на себѣ необыкновенно яркіе слѣды книжнаго вліянія⁹. Среди формъ народной рѣчи невольно обращаютъ на себя вниманіе славянскіе обороты и слова, часто перепутанные или невѣрно употребленные:

Молился Алексѣй Богу, трудился,
Красота въ лицѣ его *потребишася*.
 Очи его погубишася,
 А *зрънье* его *по.мрачишася*;
 Сталъ Алексѣй, какъ убогій:
 Токмо единый остовъ.

„Анеологiонъ“ 1660 года, „переведенный и изслѣдованный съ еллиногреческаго языка на славянскій монахомъ Арсеніемъ Грекомъ“, былъ источникомъ этого стиха. Сравнивая стихъ съ житіемъ Алексія въ „Анеологiонѣ“, видимъ, что онъ шагъ за ша-

гомъ идетъ за разсказомъ „Анеологіона“, и лишь кое-гдѣ народное творчество внесло иные мотивы въ стихъ. Поразительное буквальное сходство цѣлыхъ отрывковъ стиха съ „Анеологіономъ“¹⁰ свидѣтельствуеетъ о томъ живомъ общеніи, которое существовало между печатною и народною устною литературою XVII вѣка. Старые апокрифы повѣствовательнаго характера въ XVII вѣкѣ теряютъ свой прежній видъ, принимаютъ форму народнаго разсказа, переходятъ даже въ народную сказку. Апокрифическое, напр., сказаніе Мееодія, патріарха константинопольскаго, о потопѣ и ковчегѣ Ноевѣ¹¹, довольно распространенное въ литературѣ XVII вѣка, въ настоящее время ходитъ въ народѣ въ формѣ сказки¹².

Въ свою очередь, богатая масса легендъ, повѣстей, переводныхъ и оригинальныхъ, сохраняя въ письменной литературѣ свою прежнюю форму, становится содержаніемъ и новой литературной формы, силлабическихъ виршъ, и въ этомъ двойномъ видѣ переходитъ въ Петровскую эпоху. „Повѣсть о прѣнни житія съ смертью“, довольно распространенная въ народной литературѣ XVII вѣка, въ слѣдующемъ столѣтіи принимаетъ силлабическую форму и теряетъ свой поэтическій характеръ, продолжая, однако, жить и въ своемъ прежнемъ видѣ¹³. „Руно орошенное“ Димитрія Ростовскаго передаетъ, руководствуясь Яковомъ de Voragine, въ нѣсколько измѣненной формѣ тѣ же легенды о Богородицѣ, которыя уже находились въ „Звѣздѣ пресвѣтлой“ XVII вѣка; Максимовичъ въ силлабическихъ виршахъ („Богородице Дѣво риемами“) рассказываетъ тѣ же чудеса Богоматери,

Отъ многихъ писаній собранны
Святыхъ древнихъ и новыхъ въ пользу написанны.

Эти „писанія“: „Золотая легенда“ того же Якова de Voragine, труды Викентія историка (Vincent de Beauvais), Кесарія Гейстербахскаго были уже довольно извѣстны въ рукописной литературѣ XVII вѣка. У другихъ духовныхъ писателей Петровскаго времени, какъ и у Димитрія Ростовскаго, повторяется прежнее содержаніе литературы XVII вѣка. Исключивши нѣкоторые переводные учебники, мы найдемъ въ литературѣ Петров-

ской знакомыя начала XVII вѣка или простое повтореніе его литературныхъ явленій. Троянская исторія, Эзоповы басни и многія литературныя произведенія Петровской эпохи потому и нашли себѣ такое распространеніе въ народномъ чтеніи, что они не были новостью для читателей, что въ иной формѣ они передавали имъ старое содержаніе, съ которымъ они давно свыклись, сроднились. Повѣсти, переведенныя въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, цѣликомъ переходятъ въ Петровское время, начинаютъ даже новую жизнь, появляясь въ лубочныхъ изданіяхъ, и составляютъ преобладающій элементъ въ народномъ чтеніи первой половины XVIII вѣка. Брюсовскій календарь повторяетъ тѣ же самыя толкованія и предсказанія, которые такъ хорошо были извѣстны читателямъ XVII вѣка изъ ихъ рукописныхъ планетниковъ и альманаховъ. Однимъ словомъ, средневѣковое содержаніе народной европейской литературы, разными путями перешедшее въ нашу, обновленное литературнымъ движеніемъ второй половины XVII вѣка, въ болѣе разнообразныхъ формахъ передано восемнадцатому и составляетъ важнѣйшее достояніе его литературы въ первую половину вѣка.

Понять литературу временъ Петра Великаго невозможно безъ ближайшаго знакомства съ литературою XVII вѣка. Не при Петрѣ и не въ ближайшее къ нему время пробудились въ нашей литературѣ новыя начала, и повѣялъ свободный духъ XVIII вѣка. Шло четвертое десятилѣтіе его: въ скудной литературѣ русской, усвоившей новыя *формы*, не сказывалось почти никакой жизни; лишь жалкіе переводы итальянскихъ драмъ, игравшихся при дворѣ, да нѣсколько одъ случайнымъ людямъ напоминали о тоническомъ размѣрѣ, о существованіи придворнаго пѣту Тредьяковскаго и придворнаго философа Кондратовича. Новая Академія наукъ работала на нѣмецкій манеръ латинскія разсужденія для своихъ комментаріевъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, пропадала личность народа; а между тѣмъ масса литературныхъ произведеній, унаслѣдованныхъ имъ отъ XVII в., увеличивалась, пополнялась новыми явленіями того же характера и направленія. Продолжая нить свѣжаго литературнаго преданія, Кіевская академія въ лицѣ Варлаама Лавровскаго, позднѣе Георгія Конисскаго и многихъ другихъ, разрабатывала духовную

драму, которая отъ однообразной формы мистеріи перешла въ *moralité* и, вѣрная воззрѣніямъ XVII вѣка, возвышала голосъ противъ мірской жизни и зачинавшихся новизнъ въ ея сферѣ. Коснувшись ихъ, она легко могла принять сатирическое направление, и въ то время, когда голосъ Кантемира, воспитаннаго французской литературной школою Людовика XIV, раздавался противъ общественныхъ недостатковъ, на Югѣ въ старой силлабической формѣ разыгрывались интерлюдіи, или „между вброшенная забавная игралица“, прямое доказательство того, что сатирическая дѣятельность Кантемира не была одинокимъ явленіемъ въ тогдашней, такъ еще мало намъ извѣстной литературѣ. Рукописныя „интерлюдіи“ этого времени, находящіяся въ Публичной библиотекѣ (XIV Q, 19), почти чуждыя всякаго иноземнаго вліянія, богатый отпрыскъ народной словесности XVII вѣка, представляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ фактовъ исторіи новой русской литературы; въ нихъ мы видимъ ясное свидѣтельство не только живучести литературныхъ началъ XVII вѣка, но и ихъ особенной плодовитости: перешедши въ XVIII вѣкъ, они не лежали мертвымъ капиталомъ, но велись далѣе и свободно развивались, вѣрныя самимъ себѣ, въ сторонѣ отъ тѣхъ новыхъ литературныхъ формъ, которыя начинали къ намъ пересаживаться съ европейской почвы. Дѣйствующія лица этихъ интерлюдій—раскольникъ, сѣтующій на еретическія новизны, хитрый и оборотливый цыганъ, тупой и легковѣрный литвинъ, нѣмецъ-лѣкарь, который рветъ зубы цыгану, дьячекъ, жалующійся на то, что дѣтей его насильно отбираютъ въ семинарію, грекъ-торгашъ, глухой мужикъ, который пришелъ причитать на могилу своего отца, и т. д. Кромѣ живой народной рѣчи, замѣчательная литературная обработка этихъ интерлюдій сказывается и въ сохраненіи того исконнаго свойства народной драмы, что различныя лица интерлюдій говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ: цыганъ—на бѣлорусскомъ, грекъ—на ломаномъ малорусскомъ.

Эти замѣчательные литературные памятники осязательно убѣждаютъ насъ въ необходимости обратиться къ изученію рукописной литературы первой половины XVIII вѣка, потому что только оно можетъ дать полное и истинное содержаніе литера-